

Книги Владимира Сухина
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ДВА В ОДНОМ. ОПЛОШНОСТИ СУДЬБЫ

Цикл

«ВТОРАЯ ЖИЗНЬ МАЙОРА»

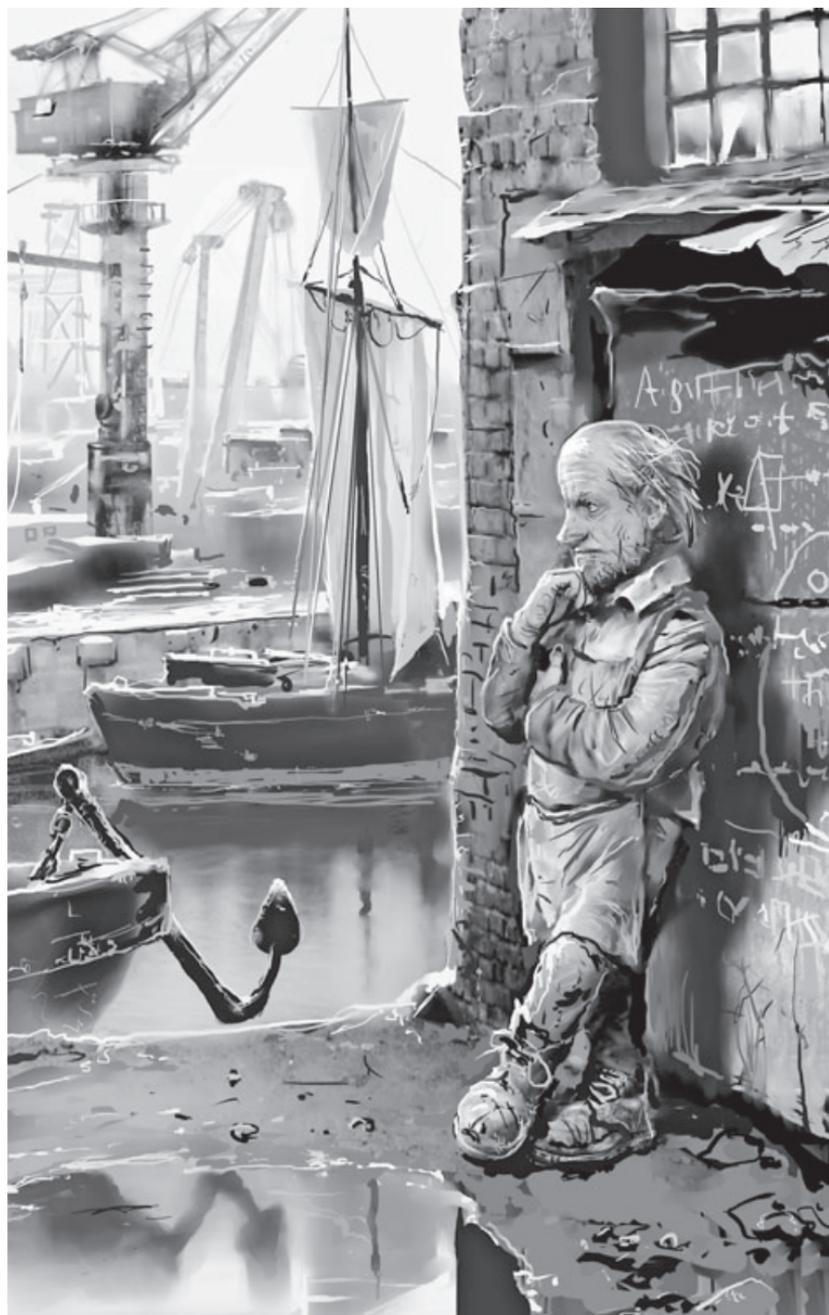
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ МАЙОРА

СТУДЕНТ НА АГЕНТУРНОЙ РАБОТЕ

ПЕШКА В БОЛЬШОЙ ИГРЕ

РАЗРУШИТЕЛЬ БОЖЕСТВЕННЫХ ЗАМЫСЛОВ

СКОРПИОН ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР СУХИНИН

ДВА В ОДНОМ.
ОПЛОШНОСТИ
СУДЬБЫ

РОМАН

Москва, 2018
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С91

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1116

Художник
М. Поповский

Сухинин В. А.

С91 Два в одном. Оплошности судьбы: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 381 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2676-8

Не ошибается только бог. Ангелы тоже совершают ошибки. Это ощутил на себе Артем Рахвалов, когда по оплошности ангела судьбы попал в другое тело. И каково же было его удивление, когда он понял, что рядом с ним присутствует и сам хозяин этого тела. А кроме того, он очутился совсем в другом мире. Жестком и алчном. Где практикуется магия, а магов контролирует церковь Свидетелей Славы Хранителя. Где свирепствует инквизиция, сжигающая людей по любому обвинению в ереси.

Меж тем в одном теле стало жить два сознания.

Через поступков бросает Артема, недоучившегося студента-историка, в круговерть событий, связанных с необъяснимыми смертями наследников престола королевства Риванган. Проблем добавляет хозяин тела — маг-недоучка с проклятыми руками, который постоянно попадает в смертельно опасные ситуации. Выбор между жизнью и смертью заставляет землянина задуматься о смысле существования, своем предназначении и о том, как побеждать, научившись принимать верные, но порой трудные решения.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сухинин В. А., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2676-8

Две несогласные непостижимости
Мучат меня меж собою ревниво:
Непостижимость конечности жизни —
И бесконечности этого мира.

А. Шапошников

ПРОЛОГ

«Если ты читаешь эту тетрадь, мой неведомый друг, значит, я не унес свою тайну с собой безвозвратно. Сам понимаешь, туда, откуда в мир живых хода нет. Я очень хотел поделиться ею со всем миром. Может быть, это сделало бы людей более осмотрительными в своих поступках. Позволило бы им управлять своим будущим. Быть созидателями своей судьбы. Но честно признаюсь, я струсил. Не рискнул поделиться с моими современниками знаниями, которые получил от моего такого же одинокого, как и я, ночного гостя. Он рассказал мне и показал то, что скрыто от людей за стеной их гордости и неверия.

Не буду лукавить, я испугался этих знаний. Во многих знаниях многие печали. А как иначе! По стране идет борьба с религиозными культами. Священников ссылают и расстреливают как пособников кровавого царя и обманщиков трудового народа. А тут я со своими мыслями о бесконечности Вселенной. О ее постоянном движении, о духовных сущностях, которые там обитают и невидимы простым глазом. Но которые связаны с нами незримыми, но неразрывными нитями и пишут книгу нашей судьбы.

Меня просто сочли бы безумным, и я закончил бы свои дни в психиатрической лечебнице. Это в лучшем случае. Но, скорее всего, меня осудили бы как бывшего церковнослужителя и враждебного элемента. Я и так лишился семьи, был ею отвергнут и стал одинок. Мальчишки мне вслед кричат «расстрига», и кто меня знал, отворачиваются. Одни считают предателем, другие приспособленцем. А третьи... Впрочем, все по порядку. Не так важно, кем я был и кем стал, сути того, о чем я хочу написать, это не касается. Я хочу поделиться хоть с кем-то знаниями о судьбе. Поведать о совсем маленьком кусочке скры-

того, того, к чему я сумел прикоснуться. Того, чего умом не понять, но того, что определяет судьбу каждого.

Так вот, я смею утверждать, что миры во Вселенной бесконечны и они находятся в постоянном движении, вращаясь вокруг одного центра. Как Земля вращается вокруг Солнца, так и Солнечная система вращается вокруг центра Галактики, и сама Галактика вращается вокруг своего центра, и это движение бесконечно.

Вселенная, не имея ни начала, ни конца (вечная и бесконечная), обладает всей полнотой сведений о самой себе — полной мерой. А мы черпаем, или достаем, знания из Вселенной путем освоения частных мер из этой полной меры. Понятие «мера» включает в себя не только привычные «вес», «длина», «ширина» и т. п. В понятие «мера» входят правила и законы, по которым протекают процессы в мироздании, и многое другое.

Все знания, которыми обладает человечество, — это всего лишь множество частных мер, почерпнутых из всей полноты Общевселенской Меры. Сколько законов действует во Вселенной? Мы знаем все эти законы? Конечно нет. А каждый такой закон — это тоже некая частная мера, принадлежащая всей полноте Меры Общевселенской

Всякий физический мир имеет своего духовного двойника, так называемый высший мир. И бывает, наступает такой момент, когда двойники пересекаются. Нет, не физические миры, те существуют в трехмерном пространстве и пересекаются не могут без катаклизма. Надеюсь, ты понимаешь это? Миры физические имеют в своей основе физические законы, а духовный мир строится на духовных законах. И вот они-то являются главенствующими для физических миров.

Духовные миры наполняют духовные существа, они занимаются своими делами и даже сражаются между собой. Все события в физическом плане есть только отражение состояния дел в сфере духовной. И наоборот, состояние дел в физическом мире проецируется в мир духовный, изменяя его, чтобы потом эти изменения вернулись вновь в мир физический.

Один из таких законов взаимосвязи миров гласит: «Посеешь ветер — пожнешь бурю».

У каждого человека, как и у Вселенной, есть свой духовный двойник. У нас их называют «ангелы», но в каждой Вселенной свои названия. В миру, откуда был изгнан мой собеседник, их

звали «шайтаны» — не те демоны зла, какие есть у нас и которых за провинность свергли и сослали на нижний духовный слой, совсем другие, служивые духи. В некоторых вселенных их называют «тифлинги». Названий много, но суть у них одна. Их всех, проще говоря, можно назвать одним словом — «судьба». Может, ты слышал поговорку: «У каждого своя судьба»? Так вот она точно отображает существующую действительность вне сознания и ощущений человека. Есть судьба у меня, есть она и у тебя. Носит она с собой книгу, куда записаны наши деяния прошлого, и имеет планы на будущее. Вот, казалось бы, мы решили, поедем в город и купим обновку, но это решение уже было спланировано свыше по прежним нашим делам. И мы только движемся, влекомые духовным законом, по определенному для нас пути.

Властен ли человек над своей судьбой? Этот вопрос часто стоит перед мыслящими философами, которые слегка прикоснулись к тайнам высшего мира и судят гадательно о духовных материях. Словно смотрят через тусклое стекло, пытаясь разглядеть контуры духовных взаимосвязей.

Я считаю, что власть над своей судьбой у человека в какой-то мере есть. Но не прямо. Она проявляется в узловых точках событий, когда он принимает решение. Вот именно там он властен над своей судьбой.

Путь человека напоминает путь змеи на песке, извилистый и запутанный. Сделав шаг, он становится перед распутием, и какой выбор сделает, туда судьба и повернет и поведет его дальше, до следующего перекрестка. Все поступки человека влияют на его судьбу, и судьба воздает ему той же отмеренной мерой. Бывает, судьба возносит человека из рабов в цари. Бывает, ниспровергает, как царя-батюшку.

У меня тоже был свой выбор — отказаться от сана или умереть в лагерях. Нелегкий выбор. Можно ли с уверенностью сказать, что я избежал ареста и смерти? Наверное, нет, может, только отсрочил этот момент до следующего перекрестка...»

Артем оторвался от пожелтелых листов тетради, найденной на чердаке заброшенного дома, куда его поселил отец Алексей. Тетрадь была в шкапулке, запрятанной среди разного хлама, аккуратно завернутая в холщовую тряпицу.

Сколько таких доморощенных философов, Кантов и Вольтеров, он повидал за время учебы? Он не мог даже сказать. Их

с развалом страны развелось как тараканов на грязной кухне. Он выбросил тетрадь и, прихрамывая, стал спускаться. Сказывалось ранение в ногу во время службы в Чечне.

Осколок гранаты, брошенной бандитом, повредил кость голени. Врачи ногу спасли, но хромота осталась на всю жизнь, и с изменением погоды ноющая боль доставала его.

Сюда, в саратовскую деревушку, вернее село, его позвал отец Алексей, которого он с группой разведчиков отбил у «чехов» вблизи Ачхой-Мартана. Местные бандюги захватили того для выкупа.

Артем тогда в составе группы разведчиков возвращался из глубокого рейда. Усталые, злые и голодные, они шли, скрываясь, по ночам, по лесополосам. Уходили от преследований. Устраивали засады. Прятались в заброшенных домах, на маленьком кусочке бывшей некогда единой огромной страны. Теперь это была вражеская земля, а вокруг враги. Враги, которые еще недавно были простыми согражданами. Ходили с тобой в школу, работали на заводе, учились в институте. А потом в одно мгновение поделились на своих и чужих, и началась дьявольская свистопляска. Кто-то проливал кровь, а кто-то на этой крови делал деньги.

Несмотря на все предосторожности, напоролись на пятерых «чехов», тихо сидящих в густых кустах. Они тоже прятались.

Чеченцы тихо сидели, не разжигая костра, и ждали, когда чужаки пройдут мимо. Впереди шел лейтенант, командир разведгруппы, не доверяя уставшим бойцам. Но и сам в темноте подошел слишком близко. «Чехи» сначала приняли его за своего: старый камуфляж, борода и темень. Они окликнули его на своем языке. А лейтенант в ответ дал очередь из автомата... Их положили всех, одного своего потеряли — лейтенанта. Он герой: понимая, что напоролись на встречный бой, принял весь огонь на себя. Скомандовал «к бою» и, стоя в полный рост, не прячась, выпустил весь рожок, заставляя противника залечь. Дал ребятам время занять позиции. Чеченцы — воины знатные, умелые. Много чего придумали. Даже щиты делали из бубка и двигали перед собой. Ты лупишь по нему из автомата, а он знай себе прет.

Артема в том бою гранатой зацепило. Замешкался он, не желая падать в муравейник, а тут граната прилетела. Но ему можно сказать, повезло: она ударилась о дерево и отскочила в

сторону. Он присел, закрывшись автоматом, как учили. Взрыв раздался в трех метрах от него. Основные осколки приняли на себя деревья, его же опрокинуло взрывной волной, и один осколок вошел в ногу, повредив кость.

Среди тел нашли лежащего православного священника без единой царапинки, хотя место, где залегли чеченцы, закидали гранатами.

— Как же ты выжил, батюшка? — удивленно спросил сержант, оставшийся за командира.

— Бог миловал, сынок, — спокойно улыбаясь в бороду, ответил тот, — видимо, не судьба мне сегодня погибнуть.

Потом помолился над убитыми и помолился за Артема. Забрал у бандитов топор, ловко нарубил ветвей и соорудил носилки. Взял в руки автомат и, глядя на удивленных разведчиков, сказал:

— Я готов. Кладите лейтенанта на носилки — и понесем его. А ты, — посмотрел он на Артема, — залезай ко мне на спину.

Так они и тронулись. Двое суток шли по ночам, но вышли к своим. На привалах выяснилось, что был священник в свое время капитаном-артиллеристом, Афган прошел, а потом сан принял. Почему? О том не распространялся.

— То между мной и Богом, — ответил он как отрезал, — остальных не касается.

Больше с этим вопросом к нему не лезли. В расположении полка, прощаясь, он обратился к Артему:

— Ты, сынок, коли трудно будет, приезжай ко мне в Саратовскую область, Лысогорский район, село Широкий Карамыш. Вижу я, нужда у тебя есть с Богом пообщаться.

Больше не глядя на удивленного Артема, развернулся и широкими шагами зашагал прочь.

После демобилизации по ранению Артем долго мыкался, не зная, куда податься. Продолжать учиться? Кто кормить будет? На работу не берут. Кому нужен калека? Бандиты к себе звали, побыл с ними месяц, но противно было видеть их наглые лысые морды. Как же, властелины мира! Махнул рукой и подался к батюшке...

Так, вспоминая прошлое, он вышел на крыльцо и столкнулся лицом к лицу с двумя парнями.

«Чехи!» — замерло сердце.

— Ты будешь Артем Рахвалов? — с акцентом спросил один из них.

— Нет, он в доме, — не задумываясь, ответил Артем. — Позвать?

— Не надо, убогий. Мы сами пазавем, — засмеялся чеченец и, толчком оттолкнув его в сторону, крадучись, словно волк, вошел в дом.

Дальше Артем действовал на инстинктах. Он резко выкинул ногу вперед и с силой ударил в спину оттолкнувшего его чеченца. Тут же, согнув пальцы, как когти, ударил второго по глазам. За ним была инициатива, и не ожидавшие от калеки такого проворства бандиты растерялись. Первый улетел внутрь дома, а рядом стоящего он ткнул клюкой в солнечное сплетение, отбросил палку и, увидев торчащую из-за пояса чеченца ручку пистолета, выхватил его. Любимый ими «стечкин». Передернул затвор и краем глаза увидел, как вылетел патрон. Значит, оружие было готово сразу к бою. Он навел оружие на чеченца и тихо приказал:

— Лежать, падаль, не двигаться!

— Мы тэбя, русский, как барана зарэжим за брата нашего, так же как попа вашего.

В доме послышалось шевеление, и Артем, не целясь, выстрелил два раза в темный проем. Из-за двери показался второй, руки его были опущены, в одной из них он держал такой же «стечкин». Немного постоял и стал заваливаться. На его груди в районе сердца расплылось красное пятно.

— А-а-а! Шайтан! — заорал лежащий и, выхватив нож, полоснул им Артема по ноге.

От вспыхнувшей боли Артем на мгновение замер, и чеченец, воспользовавшись заминкой, быстро воткнул нож ему в живот. Нажав трижды на спусковой крючок, Артем выронил пистолет и, схватившись за нож, торчащий внизу живота, завалился на убитого бандита.

— Ну вот и пообщаюсь с Богом, — прошептал он и закрыл глаза.

ГЛАВА 1

Солнце скрылось за гребнями Южных гор. Подул ветерок, приносящий прохладу на улицы города. Столица королевства Риванган Майроба, уставшая от дневной духоты, погружалась в сон. Королевский дворец, стоявший на высоком холме на юго-западе города, прятался в зелени парков и садов. Вход сюда был заказан простым жителям, независимо от их благосостояния или социального положения. Там находился, жил и правил потомок первых королей из рода Мазандаров король Безгон, прозванный льстивыми придворными Мудрейшим.

Самодержец был уже немолодым, на днях ему должно было исполниться шестьдесят пять лет, но, прожив долгую и бурную жизнь, Безгон Мудрейший не сподобился обзавестись сыновьями. У него родилась одна дочь, и та была замужем за Маликом ла Боре, ландстархом¹ одной восточной провинции королевства.

Злые языки поговаривали, что так короля наказал Хранитель за то, что тот потакает магам и их богомерзкой магии. Но говорили тихо, шепотом, оглядываясь по сторонам, во избежание опасности попасть в руки охраны. Так жители королевства называли Пятое отделение жандармерии.

Придет такой неприметный серый господин с жандармами, укажет пальцем на болтуна — и все! Больше его никто уже не увидит. И такое вот неведение того, что происходит с арестованным, пугало обывателей гораздо больше, чем если бы несчастных прилюдно вешали или сжигали на кострах.

С такими мыслями к Запретному городу, как прозвали дворцовый комплекс подданные королевства, на лошади подъехал младший фельдъегерь Жакуй Парван, мать которого

¹ Л а н д с т а р х — наместник провинции королевства. *Здесь и далее примеч. авт.*

была кормилицей нынешнего короля, а почивший отец служил старшим фельдъегерем. Он спокойно проехал внешнюю стражу, показав свой жетон, свернул налево и направился в сторону комплекса зданий, где располагалась обслуга дворца. Прачечные, пивоварни, псарни, конюшни и разные службы — все, без чего не мог существовать ни один дворец правителя.

Отдав коня на попечение выбежавшему лакею, Жакуй неспешной походкой поднялся на крыльцо трехэтажного особняка и вошел вовнутрь. Его насторожила та поспешность, с которой его позвала престарелая мать. Она прислала сообщение о том, что он должен срочно, бросив все дела, прибыть к ней.

Его подкованные сапоги, разрывая сонную тишину особняка, гулко стучали по граниту лестницы, совершенно неосвещенной и пустой. Но это не мешало ему находить дорогу и не спотыкаться на ступенях. Он шел маршрутом, по которому ходил тысячи раз.

Наконец лестница вывела на второй этаж, где находились покои его матери, довольно влиятельной в свое время женщины. Без сомнения, умной, хитрой и умеющей извлекать выгоду из своего положения.

Нынешний король был к ней когда-то очень привязан, и многие знатные дворяне знали, что он прислушивался к ее мнению.

«Да, бежит время», — размышлял Жакуй о прошлом с грустинкой и сожалением. Тогда они жили не здесь, на задворках, а в самом сердце дворца.

Встречи с матерью добивались самые знатные семейства, чтобы через нее решить свои проблемы. Добиться расположения его величества, пристроить отпрыска на доходную королевскую службу, а то и удачно выдать дочь замуж.

Все изменилось с приходом новой, девятой по счету, молодой жены, которая должна была понести сына для самодержца. Вместе с ней пришел духовник, худой маленький старичок с крысиными глазками, и кормилицу через месяц отселили в этот особняк, запретив встречаться с королем.

Жакуй вздохнул и свернул в правое крыло, которое слабо освещалось лампадами, так что в трех метрах уже ничего не видно.

«Когда это было? — вспоминал Жакуй. — Десять или двенадцать лет назад». Новая королева так и не понесла, но сохра-

нила свое место рядом с его величеством, который с возрастом стал невыносимо набожным.

Жакуй дошел до нужной двери и не стучась вошел, открыв высокую дверь. У матери были покои из трех комнат. Вот у второй двери он остановился и постучал. Дверь открыла сиделка, приставленная к матери, и поклонилась.

— Добрый вечер, господин Парван, госпожа ждет вас. — Она повернулась и, держа подсвечник с пятью горящими свечами, пошла впереди него.

На большой кровати в куче подушек полулежала его мать. Несмотря на преклонный возраст, это была женщина с еще цепким взглядом и умными, почти черными глазами, которые, казалось, проникали внутрь помыслов собеседника. Такими пронзительными они были, что Жакую чудилось, будто она знает все его потаенные мысли.

Мать улыбнулась, увидев сына, и, махнув рукой сиделке, выпроводила ее.

— Ступай, Гайя, и проследи, чтобы нам не мешали поговорить.

Женщина поклонилась и вышла.

— Присядь, сынок, — показала рукой старушка на стул возле кровати. Она дождалась, пока Жакуй усядется. Наученный долгим общением с матерью, он сидел молча и ждал, когда она заговорит первой. Та долгим взглядом рассматривала сына. Она что-то искала в нем и не могла найти, именно такое впечатление сложилось у Жакуя. Затем мать положила сухонькую ладонь на его руку, лежавшую на коленях. Наконец она что-то решила для себя и заговорила: — Сынок, ты уже совсем взрослый. — Жакуй внутренне усмехнулся: еще бы, ему уже за сорок, он полысел и обзавелся солидным животиком. Мать поняла, какие мысли посетили сына, и улыбнулась. — Для матери, сынок, дети всегда маленькие. Жаль, что ты не обзавелся семьей, не дал мне вкусить радости понянчить внуков.

Жакую составило большого труда не поморщиться, вместо этого он только положил другую ладонь на руку матери и погладил.

— Знаю, знаю, что ты об этом думаешь, — проговорила старушка, — но я позвала тебя для другого разговора. — Она помолчала, собираясь с мыслями. — Я расскажу тебе тайну из прошлого и потребую от тебя выполнить мою просьбу, сы-

нок. — Голос женщины из мягкого и доброго стал жестким и даже колючим.

Жакуй насторожился. Он знал, что мать полна тайн, и старался в них не вникать. Меньше знаешь — спокойнее живешь, это правило он усвоил с детства. Не обладая большим умом, он был наблюдательным и незаметным мальчиком, что позволяло ему не выделяться и жить безопасно. Все считали его простоватым, недалеким и исполнительным, но только мать знала, какой твердой волей обладал ее сын.

— Мы с матерью жили в лесу, — начала вспоминать старушка. — Она была, как теперь говорят, ведьма и учила меня. Учила прятать свой дар и притворяться. К нашему несчастью, лес принадлежал ландстарху Мирху ла Корну, любителю охоты. Однажды он пригласил короля, отца нынешнего властителя, на большую охоту, и, блуждая по лесу, они нашли нас.

Женщина замолчала, прикрыв глаза, заново переживая прошлое, но молчание было недолгим.

— Мою мать убили. Затравили собаками, поймали, сначала помучили и, надругавшись над ней, повесили. А меня спас король: он вытащил меня, четырнадцатилетнюю девчущку, из-под кровати за волосы. Посмотрел и велел отправить в лагерь, не трогая. — Голос матери стал хриловатым, и она откашлялась — было видно, что воспоминания давались ей нелегко. — Я стала его игрушкой и любовницей. Сначала я ненавидела его и желала найти способ убить короля. А церковники хотели сжечь меня, как еретичку, на что король пообещал сжечь всю церковь, и от меня отстали. Я чувствовала, что он меня любит, и в конце концов полюбила его сама. Я не знаю, как это получилось, — она вздохнула, — но я полюбила убийцу своей матери. Богдан носил меня на руках и больше времени проводил со мной, чем с королевой. Меня пытались отравить раз сто, не меньше. — Она улыбнулась. — Представляешь, они хотели отравить ведьму. Но я заставляла выпить яд того, кто мне его принес. Раз пять хотели отравить и короля, но я не позволила. После этого королеву сослали в монастырь, и он женился на молоденькой и глупенькой дочери провинциального конта. Богдан не только любил меня, он проникся ко мне безграничным доверием, и, когда родился Безгон, я стала его кормилицей. Я сама в это время родила мальчика от короля.

Мать вновь замолчала. На этот раз молчание длилось дольше. Когда она продолжила говорить, в ее голосе прозвучала скрытая боль.

— Богдан пришел и наклонился над малышом, из ворота рубахи выпал амулет Мазандаров и засветился. Увидев это, король долго молчал, потом снял с себя амулет и передал его мне.

У Жакуя приподнялись брови: он понимал, что значит святицейся амулет. У рода Мазандаров, которые тысячи лет правили королевством Риванган, был свой родовой знак, который начинал светиться, когда чувствовал кровь первых королей, и только эти люди могли стать наследниками и королями.

Всего Жакуй знал о четверых реальных претендентах на престол. Это сын кангана¹ Жупре де Ро, заместника севера, Орангон де Ро. Ему восемь лет, и он первый в очереди. Всего канганов было четверо: канган юга, севера, запада и востока. Они от имени короля управляли частями территории королевства.

Сын ландстарха Немрода ла Брука Маншель ла Брук, ему двадцать пять лет, он второй.

Сын ландстарха Гиндстара ла Коше Ризбар ла Коше, ему тринадцать лет. Он третий в очереди. Ландстархи были правителями провинций и подчинялись канганам.

Сын королевского прокурора конта Грѳубуса Аданадиса Марас Аданадис, сорок семь лет, он четвертый. Конты — благородные дворяне, получившие надел от короля и являющиеся его вассалами. Они обязаны были выставить свои дружины в случае войны. Они были также противовесом канганам и ландстархам, ограничивая их власть и не давая поднять восстание, задумай те такое. Жакуй хорошо разбирался в системе сдержек и противовесов во властных структурах королевства.

Имелись еще пять претендентов второй очереди, но их никто всерьез не принимал. Первые четверо были из самых древних родов, и это определяло, кто будет первым в очереди на престол. Жакуй мысленно присвистнул. Однако! Теперь, оказывается, есть еще один неучтенный кандидат, и он брат нынешнего и сын прежнего короля, а значит, первый в очереди. А вот такой новости Жакуй услышать не ожидал, поэтому его оставила выдержка, и он спросил:

— И где теперь этот... — он замялся, — малыш?

¹ К а н г а н — заместитель нескольких провинций.

Мать не обратила внимания на то, что сын ее перебил.

— Богдан забрал его у меня, — ответила она, — и переправил в провинцию со своим преданным отставным сержантом. Теперь мой сын стал купцом. Человек обеспеченный, и у него есть жалованная грамота от короля, в которой он указал, что признает его сыном... Ты понимаешь, что это значит?

Жакуй кивнул. Конечно, он хорошо понимал. Его брат в случае смерти короля мог свободно заявиться в Высокое Собрание ландскнехтов, что собиралось один раз после смерти короля, и предъявить свои права на престол. Еще это означало, что если о нем узнают сейчас, то до коронации ему не дожить.

— Мне осталось недолго, и амулет, который отдал мне Богдан, у меня. — Она достала золотой знак летящей птицы на такой же золотой цепочке. — Богдан его любил, но не мог сделать королем. — Мать посмотрела на медальон в руке и, понизив голос до шепота, произнесла: — Мучают меня предчувствия, что эту тайну знает кто-то еще. Я ощущаю опасность, сынок. Поэтому хочу, чтобы ты передал медальон своему брату. И помогал ему во всем. Увольняйся со службы. Деньги я скопила, тебе хватит жить безбедно. Их ты получишь в любом отделении почтовой гильдии. Достаточно предъявить этот перстень...

Она достала из-под одеяла массивный серебряный перстень-печатку и вместе с медальоном вложила в руку сына.

— Я чувствую, сын, что грядут большие события, и они связаны с престолом. Мне страшно. И я не хочу, чтобы пострадал мой сын от Богдана. Будущее мне неведомо, но сердце матери подает мне знак. Пора передать медальон. Это личный медальон Богдана с отпечатком его ауры. И он даст право Ми-ху занять престол.

Она пошамкала ртом, устало прикрыла глаза. Казалось, тайна, которую она рассказала Жакую, выпила все ее силы, но она вновь их собрала и продолжила:

— Будь осторожен. Опасайся слезки! За мной следят, и Гайя тоже следит. Поэтому после разговора быстро уходи из дворца. Мы больше не встретимся, сынок. — Она увидела, что он хочет возразить, и сильнее прижала его руку. — Не спорь! Больше тебе здесь появляться нельзя. За меня не беспокойся. Я хорошо пожила. Любила и была любимой. Я обладала властью, которой не имели королевы. Ты же пообещай мне, что выполнишь мою просьбу!

— Конечно, мама, как ты могла подумать о другом? Я найду брата и стану ему помощником.

Мать повела рукой в воздухе, и Жакуй почувствовал творимое колдовство.

— Это поможет тебе, — сказала она. — Вот еще! — Она вытащила небольшой костью клинок. — Возьми его. Он защитит тебя. А теперь давай свою тужурку, я зашью письмо и амулет с кошельком алмазов в подплечник. Там его не найдут посторонние.

Через полчаса Жакуй покинул мать, написал ходатайство об увольнении и оставил его у дежурного фельдъегерского отделения.

Глубокой ночью он покинул дворец и направился на север. Предупреждения матери он не забыл, поэтому часто менял дороги и пробирался лесостепью. Вновь выходил на дорогу и так двигался всю ночь, чтобы как можно больше удалиться от столицы. Закалка и выносливость фельдъегеря помогли ему, и он не чувствовал особой усталости.

На вторую ночь он остановился в придорожном постоялом дворе. Снял номер на одного и сел ужинать. Оглядывая зал, где собрались путешественники, он оставался настороже. Жакуй не был воином, но скрываться и прятаться, уходить от погони и чувствовать слежку он умел в совершенстве. Не заметив ничего подозрительного и успокоившись, он доел свой ужин. Расплатился и поднялся со своего места, чтобы уйти в комнату и отдохнуть.

За спиной хлопнула дверь, и сердце мгновенно сжалось. Он не оглянулся, но понял: пришли по его душу. Тяжелым шагом поднялся на второй этаж и зашел в свою комнату. Устало посидел на кровати, обдумывая ситуацию, и решил уходить. Те, кто пришел за ним, были опытными следопытами. Они прошли по его следу и настигли. Что это могло значить, он не знал, но, как и мать, чувствовал смертельную опасность. Что им нужно? Почему они его преследуют и почему это случилось после разговора с матерью? По всей видимости, это могло означать только одно: те, кто его преследует, ищут его брата. Зачем? Это понятно: чтобы устранить конкурента. Кто-то из высокочтимых расчищает место к трону. Мать была права: значит, о брате знают.

Жакуй тряхнул головой, отгоняя тревожные мысли, и тихо приблизился к двери. Прислушался и не услышал ничего по-

дозрительного. На цыпочках подошел к окну и осторожно открыл его. Осмотрелся. Вокруг была тишина, и в ночи светилась луна, освещая пустой задний двор. Он, кряхтя, протиснулся в узкий проем окна и, свесив ноги, немного повисел, собираясь с духом. Затем отпустил руки и упал в негустую траву под окном. Присел и огляделся. Его продолжала окружать тишина.

Пригибаясь, он проскользнул во двор, где стояли лошади, и огляделся. В свете луны увидел сидевшего у водопоя человека, и тот ему не понравился. Человек сидел на деревянном чурбане и, казалось, спал. Жакуй остановился, не зная, как поступить. Ему нужна была его лошадь, но человек мог оказаться одним из тех, кто его преследует, подать знак товарищам, и тогда он не сможет незаметно скрыться. Жакуй пожалел, что не был воином, он служил королевским почтальоном и справиться с несколькими противниками навряд ли смог бы. Его раздирали противоречивые чувства. Что делать? Пройти мимо или по-тихому прирезать сидящего? Ему приходилось убивать, защищая тайны королевства, но он не хотел напрасных жертв. Так он просидел с минуту и, понимая, что ничего не высидит, решил.

Пригибаясь и не торопясь, он подошел к сидевшему человеку со спины. Тот похрапывал, надвинув широкополую шляпу на глаза. На коленях лежал короткий меч в ножнах, под просторной курткой видна была кольчуга. Однажды приняв решение, Жакуй уже не сомневался. Так учила его мать.

Он вытащил костяной кинжал и почувствовал его жажду крови. Рука сама метнулась к горлу незнакомца и перерезала яремную артерию. Струя крови ударила в сторону, и человек, схватившись за горло, упал на землю и стал кататься. Жакуй обошел смертельно раненного, хрипевшего человека и побежал к конюшне.

Быстро оседлал лошадь и погнал ее прочь. Хорошо знакомый с местностью и дорогами в королевстве, он изменил маршрут и поспешил вдоль реки. Холмы, скрытые натопанные дорожки могли дать ему фору перед преследователями, по крайней мере он на это надеялся. Не могли же они знать, в какую сторону он направится. Поищут на дорогах, поспрашивают и на это убьют день-два, думал он. А за это время он сможет запутать следы и скрыться.

С такими мыслями заночевал в овраге. Костра не разжигал, и к утру Жакуй основательно продрог. Речная прохлада не очень-то способствовала глубокому и приятному сну. Утром он заехал в село, купил вареные яйца, копченый окорок и круг хлеба. В колодце набрал в дорожную флягу воды и тронулся дальше.

Он ехал по широкому королевскому тракту, думая, что навсегда избавился от преследователей, лошадку не понукал, понимая, что ей тоже нужен отдых, и к обеду решил остановиться в небольшой рошице под развесистым дубом.

Он только выложил съестные припасы, нарезал хлеб и мясо и с аппетитом засунул толстый кусок в рот, как из кустов вышли двое бородатых мужчин. Были они уставшими и пропыленными. В их глазах явственно сверкала злоба.

— Вот он, сученыш! — проговорил один из них, сплюнул и решительно направился к нему.

Жакуй остолбенел с куском хлеба во рту. Он не понимал, как они смогли его найти, и найти так быстро. Его мысли беспорядочно заметались, им овладела паника. И словно прочитав их, шедший впереди человек засмеялся:

— Что, падаль, думаешь, как мы смогли тебя найти? — Он расхохотался. — Ха! Ха! Ха! Скажи спасибо своей коняшке, мы ей магическую метку поставили еще во дворце.

Услышав пояснение людолова, а это были именно они, воины без жалости и сострадания, Жакуй стряхнул оцепенение. Вскочил и бросился со всех ног вглубь леса. Он не надеялся уйти от них, он уповал на чудо и на помощь матери, что отправила его в такое опасное путешествие.

— Стой, дурило! — раздался насмешливый голос бандита. — Ты нам не нужен. Не заставляй за тобой гоняться, и мы оставим тебе жизнь. Поверь, ты нам действительно не нужен. Расскажешь, где живет нужный нам человек и как его зовут, и мы тебя отпустим, фельдъегерь, — кричал ему вслед все тот же бородатый с насмешкой в голосе.

«Как же, отпустят они!» — подумал Жакуй и выскочил на берег реки. Сзади подходили людоловы. Жакуй плавать не умел и боялся воды, он понял, что угодил в ловушку. Сзади преследователи, впереди река. Он, судорожно дыша, затравленно озирался. Деваться было некуда. Он вытащил костяной нож и истерично заверещал:

— Не подходи, убью!

— Да ладно тебе, — примирительным тоном проговорил довольный бородач. — Спрячь ножик, а то порежешься невзначай, кровь из пальчика пойдет, бо-бо будет. — Он издевательски рассмеялся.

Жакуй отступал в воду и махал перед собой ножом. Наконец нервы его сдали, и он закричал:

— Мама! Помоги!

— Зря зовешь, дурачок. Ведьма твоя лежит мертвая дома, не стала нам рассказывать, куда тебя отправила, а нам, представь себе, очень интересно. Правда, Меркул? — спросил он у молчаливого напарника.

— Ага! — отозвался тот и с интересом посмотрел на бывшего фельдгегера. — Что-то мне не нравится его ножик, — продолжил он.

А Жакуй, не понимая, что сейчас сделает, размахнулся и со всей силы вонзил нож себе в сердце. Умирая, он успел подумать: «Зачем я так поступил?»

Мир сжался до черной точки, и Жакуй сомкнул глаза. Его тело упало в воду, и она накрыла его с головой.

— Вот сволочь, обманул все-таки! — в сердцах проговорил бородач и сплюнул. — Что будем делать, Меркул? — посмотрел он на второго, стоявшего с мрачным видом.

— Общем, может, что найдем. Привяжем камень к ногам и бросим на середину реки. Тут недалеко я видел рыбацью лодку.

— Да это понятно, — недовольно проговорил первый. — Жаль только, денег от заказчика нам не видать.

— Не видать, — согласился Меркул и направился к мертвому Жакую. Вытащил того за ногу и стал обшаривать его карманы, ощупывать тело. Нашел кожаный кошелек и пересчитал содержимое. — И тут подгадил, — сказал он, но без злобы. — Только серебрушки, ни одного баре́та. Присмотри за ним, я за лодкой. А нож не трожь, — предупредил он, проследив взгляд напарника. — Этим ножом он Вахика зарезал. Чую, непростой нож, некромантский.

Бородач испуганно осенил себя змейкой.

— Чур меня, — прошептал он и посмотрел в спину уходящему Меркулу. Тот был ве́дом, не колдуном, но мог видеть тайное, и к его советам он прислушивался. Говорил Меркул редко, но всегда по существу.

Приплыл Меркул, они погрузили тело в лодку, привязали к нему камень и, выйдя на середину реки, сбросили труп в воду.

Меркул отряхнул руки и проговорил:

— Хозяин реки его быстро сожрет. Куда теперь двинем? Назад возвращаться нам не с руки.

— Тут недалеко деревня есть, Лысые Холмы. Переночуем там, а потом подумаем, — ответил бородач.

...Утро несмело входило в свои права. Деревня просыпалась, и с мычанием коровы, собранные в стадо, понукаемые криком пастуха и лаем лохматой собачонки, медленно брели на выгон. Заспанная девчушка подошла к сараю мельника и заглянула внутрь.

— Ваша милость! Господин маг! — Девочка встала у входа в сарай и кричала в проем двери, не желая заходить дальше. — Ваша милость! Господин Артам!

Она кричала уже минут пять, пытаясь докричаться до кого-то, кто находился там, в темноте. Наконец оттуда послышался шум. Из клетки с зерном показалась всклокоченная голова.

— Тебе чего? — спросила она.

— Господин маг, вас староста зовет, пора на кладбище, — радостно отозвалась девочка, докричавшись.

— А я где? — спросил маг, не вылезая из клетки.

— Вы в деревне Лысые Холмы, ваша милость. Сюда вас направил наш конт, для проведения обряда упокоения на деревенском кладбище. — Она была девочкой смысленной и не стала ждать, когда маг завалит ее вопросами.

— Да? — несколько удивленно переспросил маг. — Я сейчас. — Он с трудом вылез и, пошатываясь, направился к выходу из сарая. Сморщился и прикрыл глаза, отвернув голову от восходящего солнца. У него болела голова, во рту было сухо, и он вообще не помнил, что было вчера и как он оказался здесь. Рядом с сараем стояла бочка с дождевой водой. Он подошел к ней, отогнал рукой живность и сунул голову в воду. Затем стал жадно пить. Утолив первую жажду, выплюнул кого-то, попавшего в рот.

— Пошли, — сказал он девочке.

На выходе из деревни их ждали трое. Один кряжистый мужик с густой черной бородой, худой горбатый смотритель кладбища с кривым копьём на плече и амулетом смотрителя на

шее и молодой парень с босыми ногами, который с интересом смотрел на мага.

— Я староста деревни, ваша милость, — без всякого почтения напомнил бородатый и поморщился.

Вчера он уже встречал этого крупного и полноватого парня, ученика школы магии, которого прислал конт. Его лицо, бывшее вчера пухлым, сегодня было круглым, как тыква. Маг смотрел через щелки глаз бессмысленным взором. Перегар окутывал его как магическая защита, к нему даже мухи и комары не приближались. Еще бы, подумал староста, столько бражки выдуть за ночь не каждый сможет. Вот послал Хранитель работничка!

— Идемте, господин маг, — позвал мага староста, — смотритель кладбища докладывает, что в могилах началось шевеление.

Он, не оглядываясь, пошел твердой походкой, и Артам вынужден был пойти следом. Маг плелся, пытаясь вспомнить события последних дней. Он точно помнил, что вредящий классный учитель вручил ему предписание на практику к конту... К какому? — Студент силился вспомнить, но никак не вспоминалось. Мысли разбегались и устремлялись только в одном направлении — где взять выпивку, чтобы опохмелиться. Он сильно страдал, и до остального ему не было дела.

Кладбище располагалось в двух тысячах шагов от поселения, как и положено. Чтобы выкопавшиеся мертвяки не могли сразу найти его и напасть.

Маг обреченно шагал и, когда все встали, не остановился, погруженный в свои думы, а прошел мимо прямо на погост. Там стоял усопший, восставший из могилы. Он тупо топтался на одном месте возле могильного креста. Маг увидел покойника и оживился. Вот и дело, по которому он сюда пришел. Сейчас он быстро упокоит его, а потом опять пойдет к мельнику — похмеляться. Он вспомнил, с кем вчера провел вечер. Артам стал, путаясь, создавать плетение. В это время подступила тошнота, и он по-быстрому прочитал заклинание. Только после того как покойник задергался, а потом стал скакать, словно мельник, с кем он вчера пил, маг понял, что вместо упокоения наложил заклинание благословения. А покойник, прыгая и маша руками, учуял живого и метнулся к магу. С размаху двинул того рукой по голове, после чего маг рухнул как подкошенный.

ГЛАВА 2

Молоденький служивый ангел Арингил, зевая, листал книгу судьбы переданного ему неудачника. «Как скучно работать с такими», — недовольно подумал он. Ни учиться, ни трудиться не умеют. Всего-то научился драться да стрелять. Вот в деревню переехал к батюшке, служкой устроился, и ангел за ним подался. И чего приехал? Священника уже убили, а его еще раз ранят. Потом осудят за убийство. Арингил заглянул в книгу. Восемь лет дадут строгого режима. И он, служивый ангел, с ним сидеть будет. Правда, Арингилу год за два пойдет, а потом повышение, но все равно покоя из-за него нет. Шальной, вечно попадает в неприятности. Чего, спрашивается, к церкви прибился? Сам же атеист, постоянно твердил: «Бога нет, Бога нет. Это все выдумки необразованных людей». Служивый дух вздохнул. И у Арингила из-за него проблемы. Архангел строго предупредил: «Следи за ним. Через него нить больших событий протянута, и многие судьбы завязаны на него. Ты — парень серьезный, потому тебе его и поручаю».

Ангел посмотрел на читавшего тетрадку паренька. Калека и есть калека, чего в нем особенного? Один раз он уже отвел от него осколки гранаты, да не очень удачно, за что и наказан был епитимьей — лишили на время нимба. Хорошо не разжаловали, только урезали количество приходящей ему благодати.

Он посмотрел на небесную сферу, откуда раздалась переливчатая мелодия, и вздохнул: пересеклись с кем-то. Ангел закрыл книгу, обернулся на возглас и замер. Перед ним стояла тифлинг. Молодая и очаровательная. Она прыгала на одной ножке, вторую держала в руках и корчила рожицу.

— Что, ушиблась? — поспешил ей на помощь Арингил. Он подхватил ее под локоть и осторожно придержал.

— Да что у вас за дороги такие? Одни кочки и ямы! — возмущенно проговорила тифлинг и уселась прямо посреди той самой дороги. — Я, по-моему, ногу вывихнула, — почти плача, сказала она.

Ангел некоторое время смотрел на девушку, но затем, немного уязвленный ее словами о дорогах, решил ей пояснить про дороги. Ему стало неудобно оттого, что гостя из другой вселенной пострадала.

— Дороги здесь такие потому что там, внизу, никак не разберутся, где им жить — при коммунизме или при капитализ-

ме, — пояснил ангел. — Кто спорит, кто ворует, никто работать не хочет. «Мы не сеем, мы не пашем, мы гордимся строем нашим», — передразнил он кого-то. Потом огорченно вздохнул. — Мы уже привыкли. Хотя дороги здесь разные. Бывают и хорошие, просто ты неудачно попала.

Ему нравилась эта девушка, и он смотрел на нее даже с некоторой долей восхищения и, подсев поближе, спросил:

— Тебя как зовут?

Тифлинг бросила взгляд на ангела, увидела, что нравится парню, и, поиграв глазками, ответила:

— Агнесса.

— А я — Арингил, — стараясь выглядеть солидно, представился служивый. — За кем смотришь?

— А, — отмахнулась та, — за неудачником, глупым и ленивым. Меня из-за него наказали. За недогляд. А кто знал, что он полезет в кабацкой драке гулящую девку защищать, он и драться-то не умеет, — там ему по башке и прилетело. А я в это время...

Но договорить ей не дали.

— Коготки она полировала в это время, — раздался голос у них за спиной. Арингил оглянулся и увидел еще одного тифлинга. — Агнесса думала, — продолжил объяснять тифлинг, — что подопечный, как всегда, напьется и уснет за столом.

Агнесса зашипела и стала похожа на разъяренную кошку, которой наступили на хвост.

— Да! Думала! — с вызовом ответила она. — Он всегда, как напьется, так и спит за столом, мордой в тарелке. Теперь вот на всю жизнь с ним, — вздохнула она. — А ты за кем смотришь? — отвернулась она от тифлинга и демонстративно все свое внимание переключила на нового знакомого.

— Такой же непутевый, как и у тебя. Лодырь и бездельник. Даже не догадывается, что жизнь надо менять, плывет по течению, как щепка по воде, — поделился своими проблемами ангел.

— Как ты красиво говоришь, Арингил, у нас так не умеют, — восхитилась она и вновь с вызовом посмотрела на тифлинга.

Тот только презрительно фыркнул и отвернулся. Пренебрежительно скривив губы, он всем своим видом показывал, что он думает о ее мнении и о ней самой.

Тифлинг и ангел и дальше обсуждали бы своих подопечных, забыв обо всем на свете, но тут с двух сторон послышались трубные звуки, предвещающие кончину смертных.

Арингил глянул за грань в сторону вселенной Агнессы — там мертвяк тащил за ногу полненького паренька, и душа паренька уже выплывала из тела. Затем краем глаза глянул в свою сторону и обмер. Его калека умирал с ножом в животе!

— О Создатель! — ужаснулся ангел судьбы. Он мгновенно представил, как со смертью человека, на котором были завязаны в единый узел будущие события и другие судьбы, произойдут непоправимые события. Может герой не родиться, может история страны пойти не по тому пути, а это вечная ссылка в штрафные роты и война с бесами на нижнем уровне. Он представил, что с ним сделает суровый Гавриил... и мысли понеслись вскачь, наполняя душу ангела паникой... А еще можно под горячую руку к Люциферу попасть... — О бездна! — воскликнул он, испугавшись такой горькой участи. Арингил заметался и с воем отчаяния увидел, как душа паренька покинула тело и повисла на тонкой нити над ним. Только одна мысль билась у ангела в голове: парень должен выжить!

— Ну все, простофиля, тебе конец, — услышал он голос ангелов, стоявших над телами еще двоих умирающих, и их слова подстегнули судьбу к действию.

Ангел камнем упал вниз, схватил в охапку душу никчемного паренька, посмотрел на лежащего чеченца, тот еще подавал признаки жизни. Затем стал суматошно запихивать душу подопечного в новое тело.

— Ты смотри, что он делает! — возмутился его коллега и вышвырнул новую душу из чеченца. — Нет уж, Арингил, ищи другое местелище, — сказал он.

Ангел еще громче взвыл от отчаяния, вновь схватил Артема. Взмыл вверх, огляделся и, перестав что-либо соображать, нырнул за грань другого мира. Ничего лучше не придумав, сунул ее в тело паренька, которого тащил за ногу неупокоенный мертвец. Тело еще не умерло, но уже было почти свободно.

— Ты что творишь? — завизжала тифлинг и, схватив местную душу, тоже затолкала в тело.

Парень открыл глаза, увидел гниющего мертвеца, громко заорав, согнул ноги и оттолкнул того от себя. Мертвяк стал пятиться и напоролся спиной на крест. Пару раз дернулся и затих.

Агнесса в это время сунула руку в тело и потащила кого-то оттуда. Вытащив до середины, она ругнулась и запихала обратно. Пошарила еще раз и радостно, найдя нужное, потащила из тела.

Но тут вмешался Арингил с громким криком:

— Ему нельзя умирать! — Ухватил душу с другой стороны и стал тянуть к себе, не давая ее вынуть.

Вокруг них собрались другие тифлинги.

— Смотри, наша Агнесса опять дурака валяет, — глядя на происходящее действие, сказал один.

— Ага, опять ногти небось красила на работе и прошла-пила.

— Да она не одна. Какого-то парня в балахоне с собой при-тащила.

В это время раздался перезвон, и Арингил замер.

— Батюшки! — прошептал он. — Миры разъединились. — Он ошеломленно посмотрел на Агнессу. — Я же вернуться не смогу.

Паренек в это время открыл глаза и во все горло закричал:

— Мама, у меня один глаз не видит!

...Артем выплыл из туманного забытья, с трудом открыл глаза и понял: видит он только одним, причем правым. Но даже одним глазом он сумел увидеть вонючее чудовище, видом напоминавшее человека и тащившего его за ногу. Не раздумывая, Артем согнул ноги и резко выбросил их вперед. Чудовище отцепилось и исчезло из поля зрения. В следующие несколько минут он, по всей видимости, умирал. Причем, как ему показалось, несколько раз. Он так решил, потому что периодически терял сознание, а когда приходил в себя, видел то черта с рожками, то ангела в белых одеяниях. Они тянули его каждый в свою сторону и ругались. Наверное, не решили, грешник он или праведник, подумал Артем. Но при этом попасть в ад он не горел желанием и стал искать руками за что-нибудь зацепиться. Нашупал чью-то руку и ухватился за нее. Сразу стало полегче.

— Да вылезай же! — услышал он хрипящий от усилий и на-туги голос черта, вернее чертовки, и ответил:

— Не стану, мне еще с Богом пообщаться нужно.

Тут ангел заорал во все горло:

— Ему нельзя умирать!

— Ты слышала, что начальник сказал? — стараясь покрепче держаться за безжизненную руку, произнес Артем. — Мне нельзя умирать, так что катись отсюда в бездну.

Голова болела так, словно она была расколота надвое. Тут еще вопль резанул по нервам:

— Мама, у меня один глаз не видит!

А потом вновь наступила спасительная тьма.

Пришел он в себя уже лежа в телеге, которая неспешно катилась, покачиваясь и подпрыгивая на ухабах и кочках. Артем открыл глаза и опять понял, что видит только одним глазом. Наверное, к врачу везут, подумал он. Здорово абрек меня пырнул, слава богу, что хоть выжил. Только болит не низ живота, а голова, и, по-видимому, она перевязана. Сил потрогать ее не было, и поэтому он без движения продолжал лежать, размышляя над происшедшим. О каком брате говорил бандит? Неужели о тех, кого они положили в посадках? Тогда их сдали свои из полка. Продались, суки, со злостью подумал Артем. Имя, фамилию — все узнали. Батюшку жалко! Вспомнив отца Алексея, Артем чуть не заплакал. От гранат спасся, а вот от залетных — нет, ни за что, можно сказать, пострадал...

— Мама, у меня один глаз не видит! — неожиданно кто-то вновь закричал рядом, да так громко, что Артем вздрогнул и на пару секунд оглох.

— Ты че орешь? — не видя крикуна, спросил он и, нагнувшись, толкнул того в бок.

— А ты кто? — Кричавший перестал орать и стал шарить по нему рукой.

— Я Артем, а ты кто?

— А я Артам.

— Гляди-ка, Савул, маг сам с собой разговаривает. — Возница оглянулся на лежащего и смотрящего открытыми глазами в голубое небо паренька с перевязанный головой. — Видно, здорово его мертвяк по башке треснул.

Савул степенно шагал рядом с повозкой, держа кривое старенькое копьё на плече.

— Да, маг оплошал, это же надо — вместо заклития упокоения наложил благословение Хранителя! — Он громко рассмеялся. — Как мертвец запрыгал, заскакал — и страшно, и смешно. Такого танца даже Фрольт-мельник после трех жбанов эля не вытворял.

Паренек в это время спросил:

— Ты че орешь? — и уставился на Савула.

— Да я вроде, ваша милость, не шибко громко говорю, — ответил крестьянин.

— А ты кто? — вновь спросил маг, не сводя с него взгляда.

— Так Савул я, смотритель с поселкового кладбища.

А парень, словно не слушая его, сам себе ответил:

— Я — Артем. — И опять спросил: — А ты кто?

— Так Савул я, смотритель с поселкового кладбища, — озадаченно повторил мужик.

А маг опять повторил свое имя, переименовав его:

— А я — Артам. Ты чего орал?

— Снова здорово! — покачал головой возница. — Ты потише говори, — произнес он шепотом и посмотрел на Савула. Тот согласно закивал.

— Так я вижу одним глазом, — сам себе ответил паренек и продолжил, вроде как успокаивая сам себя: — Я тоже вижу одним глазом, ты каким видишь, Артам? Я — левым. А ты? — Он смотрел на Савула требовательно и сурово.

— Так... я двумя, ваша милость, — ответил тихо крестьянин и переложил копьё на другое плечо.

— Я вижу правым, — неожиданно поведал маг.

— Видит он! — проворчал возница. — То левым видит, то правым. Видимо, сотрясение у него мозгов произошло. Хорошо голова цела, а кость мертвяка хрясть — и вдребезги. Как он заклатья-то перепутал?! Понять не могу.

— Так они вчера с мельником Фрольтом упились до тифлингов, мы его из зерна в клетки еле живого выкапывали, вот и перепутал спьяну.

Паренек словно прислушался и сурово спросил, продолжая ковырять взглядом смотрителя кладбища:

— Так ты пьешь? — Савул промолчал, обдумывая вопрос, а маг сам себе ответил: — Бывает, а кто не пьет? Ты, что ли? — И следом противоречиво, но твердо заявил: — Я не пью!

— О как! — засмеялся возница. — То пью, то не пью. Точно сотрясение.

— А ты, собственно, кто? — вновь спросил он Савула.

— Так Савул я, ваша милость, смотритель с поселкового кладбища, — терпеливо, в который раз повторил идущий и усмехнулся.

— Я — маг, вернее, ученик. Учусь в Аногурской магической школе первой ступени на втором году обучения. А ты кто?

— Ну надо же! — изумился возница. — Никак он тебя, Савул, не запомнит. — Он посмотрел на паренька и предложил: — Может, треснем по башке, чтобы замолчал?

Савул осенил себя священной змейкой сверху вниз и ответил:

— Не дай Хранитель! Еще что-нибудь применит и проклянет, с него станет, — и он опасливо посмотрел на мага. И как заученную мантру, обреченно произнес: — Савул я, ваша милость, смотритель с поселкового кладбища.

— А я служка в храме у священника, хочу сан принять, — ответил маг.

Услышав такое неожиданное утверждение, оба сопровождающих не выдержали и громко рассмеялись.

— А чего смешного? — спросил маг и тут же сам себе ответил: — Я не смеялся, я думал. — Потом некоторое время помолчал.

— Видать, успокоился, — прокомментировал его молчание возница. Но юноша ответил:

— Я думаю, с кем я сейчас разговариваю? Я тебя слышу, но не вижу.

Его взгляд продолжал неотрывно смотреть на Савула. При чем тому показалось, что смотрит он на него одним глазом, а другой просто глядит в небо.

— Так я же вам сказал уже. Я — Савул, смотритель с поселкового кладбища, — устало повторил идущий и подумал, как же тяжело с этими господами, сами не понимают, чего хотят.

— Так ты маг или смотритель с кладбища? — спросил юноша.

Савул сплюнул под ноги и промолчал. А возница уже заржал в полный голос:

— Сознавайся, Савул, практикуешь черную магию али нет? Тебя служка из храма пытается, — и весело подстегнул лошадку.

Артем надолго задумался. Какие-то странности происходят, видно, он бредит после потери крови, такое бывает. Голоса слышит разные. Про магов говорят.

— Так ты кто, маг или смотритель кладбища? — спросил он незнакомца, прячущегося во тьме.

— Нет, я маг. Нет, я не маг, я смотритель кладбища, — услышал он одновременно два голоса.

«Точно я в бреду, — подумал Артем, — сам с собой разговариваю и сам себе отвечаю. Надо уснуть, — успокоил он себя. — Так выздоровление быстрее приходит».

Но уснуть ему не дали: тот, другой, из темноты стал подвигать:

— Мама, мамочка! Ну зачем я пошел в маги, лучше бы сидел дома, помогал отцу в лавке. А теперь кому я нужен, безглазый? На меня ни одна девчонка не посмотрит.

— Ишь ты, как расплакался, сердешный, — покачал головой возница. Но паренек вдруг сурово ответил:

— Ты чего это нюни распустил! Подумаешь, глаза лишился! Девки не в глаза смотрят. — И сам себя спросил озадаченным тоном: — Не в глаза? А куда?

Возница даже обернулся, чтобы услышать откровение из уст контуженого:

— Главное, приятель, чтобы у тебя было серебро в кошельке, ну и в штанах сталь, конечно.

Возница сдвинул соломенную шляпу на нос и почесал затылок.

— А ведь верно стервец говорит, и не скажешь, что контуженый.

— Я вон тоже вижу одним глазом, и ничего. Не плачу, — продолжил успокаивать сам себя болезный. — Вон рядом со мной мужик идет с палкой, рябой, сгорбленный, и тоже небось жена есть. Мужик, ты кто? — обратился он к идущему Савулу.

Тот передернул плечами и, обреченно вздохнув, в который уже раз ответил:

— Савул, смотритель с поселкового кладбища.

— У тебя жена есть, Савул? — спросил маг.

— Есть, ваша милость.

— Ты сейчас с кем разговариваешь, Артем? — вновь спросил неожиданно маг и сам же ответил: — Да мужик рядом идет, рябой и горбатый, вот я у него и спросил, есть у него жена или нет. И что он сказал? — продолжал вести странный диалог сам с собой парнишка. Он сам задавал вопросы и сам на них отвечал.

— Да, сильно его приложило, — опять оглянулся возница и подстегнул лошадку.

— Сказал, что жена есть. Это хорошо, — успокаиваясь, проговорил маг и закрыл глаза.

Какое-то время Артем ехал, закрыв глаза. Мыслей в голове не было, она просто невыносимо болела. Но наконец до него стало доходить, что с ним происходят странные вещи. Он едет на телеге, видит мужика с палкой, а рядом с ним в темноте лежит какой-то маг Артам. Откуда здесь темнота? Он же лежит на телеге. На улице день, вот он открыл глаза — и опять видит сгорбленного зрителя, попробовал повертеть головой — и у него не получилось. Он не чувствовал своего тела. Зато мог чувствовать рядом тело другого человека. Как это может быть? Он напрягся и рванулся изо всех сил. Раз, другой... Почувствовал, что куда-то пролезает! Поднапрягся! Еще протиснулся! Почувствовал, что выползает к свету, и заскользил куда-то вниз. Беспорядочно замахал руками, ухватился за руку Артама и полетел вниз, увлекая того с собой. Артам не выдержал и в страхе заорал во все горло:

— Аа-а-а! Мама!

Возница оглянулся на вопль и сочувственно сказал:

— Видать, отходит малец, — и осенил себя священной змейкой. — Хоть бы до замка конта донести, не дай Хранитель, его смерть на деревню повесят.

— Да не бойся, — успокоил его Савул, — паренек ровно дышит, на отход не похоже, а кричит, потому что ему кошмары видятся.

— Ну и слава Хранителю, — успокоился возница, понукая лениво бредущую лошадку.

Артем не падал, он медленно опускался в ярком свете. Рядом парил второй, прежде невидимый, собеседник. Он вертел головой и был одет в белые просторные одежды. Артем оглядел себя и с удивлением увидел, что он в таком же одеянии, а вокруг разливается ослепительный свет. В какой-то момент они зависли, уставившись друг на друга.

— Это мы где? — спросил тот, кого звали Артам.

— Не знаю. Может, в раю? — высказал предположение Артем, и рядом с ними раздался смех:

— В раю! Вот насмешили.

Из света выплыла фигура, и чем ближе она подплывала, тем отчетливее было видно, что это или большая ящерица, или дракон с посохом в крепких лапах, на конце которого был большой красный камень. Шел он величаво на задних лапах. Следом тянулся толстый гребенчатый хвост. Когда существо подошло ближе, Артем увидел, что он красно-зеленый. Спина

красная, переходящая в черный гребень, а брюхо изумрудно-зеленое.

— Змей-Хранитель! — одними губами прошептал Артам и благоговейно замер.

Ящерица насмешливо обвела их взглядом.

— Два неудачника умудрились попасть в одно тело и смог-ли проникнуть в святая святых — в сердце. Такого я на своей памяти еще не видел. — Он потяжелевшим взглядом оглядел обоих. — Я даю вам шанс на жизнь. Не потому что добрый, — он усмехнулся, — а просто потому, что мне стало интересно, что из этого получится. В этом мире мне подвластно все, — продолжил он, — кроме удачи. Эта проказница живет и творит сама по себе. Судьбы ее слушают иной раз больше, чем меня. Раз она к вам, остолопам, благоволила, я не пойду ей наперекор. Но запомните, — раскрыл он зубастую пасть, в которой торчали клыки с палец длиной, и плюнул в обоих. — Отныне вы сами по себе. Не ищите моего покровительства. Я отверг вас. — Он развернулся и медленно стал таять в ослепительном свете.

Артем вытер плевков и крикнул вслед:

— Да не очень-то было нужно это покровительство.

Но змей уже скрылся и, может быть, не услышал его ответа, а может, не посчитал нужным отвечать. Он уже все сказал.

А потом их накрыла тьма.

ГЛАВА 3

В великом храме Вечности перед Змеем-Хранителем, сидящим на троне, стояли двое. Стояли они понутив головы и сильно отличались друг от друга. Одна была тифлингом в черном обтягивавшем комбинезоне и с волосами, забранными в хвост. Другой был не от мира сего, ангел Арингил в белом бесформенном балахоне и с русыми волосами, спускавшимися до плеч. Змей-Хранитель сурово смотрел на обоих и молчал. Молчали и две судьбы, понимая, что сейчас решается уже их судьба и где-то там, в высших сферах, их книги жизни держат другие существа, готовые записать приговор.

— Агнесса, Арингил! — громовым голосом прервал затянувшееся молчание Хранитель мира. — Среди судеб вы самые бестолковые, но везучие. Вот ты, Арингил, о чем думал, когда

схватил душу из вашего мира и засунул в тело человека из нашего мира? — спросил Змей.

Служивый потоптался, не смея поднять головы, и промямлил:

— Я боялся, что человек умрет и узел нитей, который завязан на нем, порвется, а это изменит историю его страны. И многие другие судьбы.

— Ты действительно бестолковый, — высказался Хранитель. — Вот как ты думаешь? Эти нити порвались с его исчезновением? Ведь там он мертв, а здесь жив. И этот узел он унес сюда. Я даже боюсь представить, что произойдет в твоём мире. Ни один астролог не сможет просчитать вероятность событий. Но ладно, это не мой мир. А вот здесь, в моём мире, ты нарушил движение звезд и планет. И я тоже не могу просчитать конечного результата твоего поступка. Звездная карта изменилась, и старые расчеты уже непригодны. Ты представляешь, сколько дополнительной работы мне доставил?

Арингил, понимая, что хуже, чем сейчас, уже не будет, осмелел и огрызнулся:

— Вам, Хранитель, все равно вечность жить, а делать нечего. Будет занятие.

Хранитель сначала на мгновение замер от такой наглости, а потом расхохотался. Отсмеявшись, он ответил:

— Ну ты и наглец! Работу мне, значит, нашел? Чтобы я не заскучал! С тобой ясно, хоть и бестолковый, но смелый... Агнесса, как, ноготки не сломала, когда прищельца тянула из тела? — открыв пасть, ехидно спросил тифлинга Змей.

Агнесса знала, что так Хранитель усмехается. Ей никак не могут простить того, что, когда били ее подопечного, она правила ногти. Зло зыркнув в сторону начальства, тифлинг начала оправдываться:

— Я не виновата. Произошло пересечение миров, и я повернула ногу. У них, — она ткнула пальцем в ангела, — ужасные дороги. Молодой человек стал мне помогать, и в это время вечно пьяный Артам получил по своей глупой башке от мертвяка. Вместо того чтобы его упокоить, он применил благословение.

— А кто должен был смотреть, чтобы твой подопечный применил правильную магию? Не ты ли? — Рассказ девушки абсолютно не тронул Хранителя. — У тебя всегда только одни отговорки, и все виноваты вокруг.

— Но, Хранитель... — попыталась поспорить тифлинг.

— Молчи! — раздался грозный рык, и небесные своды задрожали. — Ты мне надоела. Слушайте мое решение. Я оставил живыми этих двоих, что попали в одно тело по вашей оплошности. Но лишил их своего благоволения. Отныне они сами по себе. Вы оба изгоняетесь на планету, на нижний уровень. Ты, ангел, сядешь на правое плечо двуликого. Ты, тифлинг, сядешь на левое плечо — и будете там сидеть, покуда смерть двуликого не разлучит вас.

Тифлинг тут же воспрянула духом и просветлела лицом, ангел, наоборот, стал угрюмым. Хранитель увидел лица обоих и огоршил всех присутствующих:

— Я на них положил свою печать. Не так-то просто им будет умереть. С преждевременной смертью одного из них придет забвение для его судьбы.

— Это несправедливо! — воскликнула тифлинг и тут же провалилась вниз.

— Проследи за ней, пришлый, и не дай ей натворить глупостей. Ты не такой глупый, как вначале показалось, и можешь принимать неожиданные решения. Ступай! — Хранитель махнул лапой, и Арингил рухнул вниз.

...Артем вновь очутился в темноте. Свет, который до этого изливался со всех сторон, куда-то пропал, но он продолжал висеть, подвешенный неизвестно где и неизвестно каким образом. Рядом раздавалось тихое подвывание.

— Мама! Опять темно. Артем, ты здесь?

— Здесь я, Артам. Не вой, мешаешь думать.

— А где мы? — не успокаивался напарник. — Я темноты боюсь и пауков.

— Раньше мы были в сердце, сейчас не знаю, — я думаю, а ты своими разговорами меня отвлекаешь. — Артем был немного раздражен постоянной плаксивостью невидимого товарища.

— Мне просто страшно, Артем! — прохныкал в темноте Артам. — Мои ноги не чувствуют опоры, а я все равно не падаю.

— Мне тоже страшно, я же не хнычу. В конце концов, ты мужик. Маг! С мертвяком дрался! Кроме того, ты же слышал, эта ящерица с посохом жизнь нам сохранила, значит, не все так плохо, она даже вмешиваться не будет.

— Не богохульствуй, Артем! — сорвался на фальцет маг. — Это не ящерица! Это — Великий Змей-Хранитель! Он господь

нашего мира! А ты говоришь ужасные вещи, за них инквизиция сожжет нас на костре. А я не хочу из-за тебя гореть в очищающем огне.

Артем не отвечал — он думал, как быть дальше, что надо сделать, чтобы вновь выйти к свету.

— Артем? — услышал он голос у себя в голове. — Тебе надо пожелать попасть в сердце, и все, сейчас ты снаружи, поэтому темно. Займи свое место.

Артем замер и, преодолев сомнение в своем здравом рас-судке, осторожно спросил:

— А ты кто?

— Меня зовут Арингил, я — твоя назначенная судьба.

В словах говорившего он услышал тихую скорбь или печаль, разобрать точнее было трудно из-за бури мыслей, обрушившихся на него. Кто? Как? Почему? Какая судьба? Я точно сошел с ума! То Змей, то голоса в голове. Эта темнота! Пожелать попасть в сердце? А что я теряю? Что может быть хуже сумасшествия? Смерть? Ну да, конечно! Смерть — это избавление. Ни тревог, ни боли, ни беспокойства. Но что делать с Ар-тамом?

— Этого недоумка с собой бери, парень, — раздался недо-вольный девичий голос.

— Я ему то же самое говорю: пошел, скотина, в сердце. А этот пьяница спрашивает, есть там пауки или нет.

— Зачем ты ему сказала, что их там полно! — раздался воз-мущенный голос Арингила. — Он теперь туда вообще никогда не полезет.

— А что? Я одна должна мучиться? — ответил девичий го-лос. — Пусть тоже пострадает. Пусть почувствует, каково это, когда страшно, когда тебя изгнали и ты остался один, совсем один, вернее — одна, — уже со слезами в голосе произнесла невидимая собеседница. И, всхлипнув, добавила: — Мне страшно и одиноко.

— Агнесса, — рассудительно обратился к ней Арингил, — так ты нам не поможешь, а только усложнишь вживание. И ты не одна, мы вдвоем. Их скоро привезут в замок конта, и мест-ный священник может приговорить их к сожжению как одер-жимых. Ты слышала их диалог? Он говорил сам с собой. Что должен будет понять служитель Змея?

— Ой, ты прав! А что теперь делать? — Девушка проявила согласие со словами Арингила и явно испугалась.

— Думай, Артем, только быстрее, — поторопил его Арингил. — Времени у нас в обрез.

«Значит, вторая — это Агнесса», — сделал вывод Артем, немного подумал и решительно сказал:

— Артам, нам нужно опять попасть в сердце. Ты готов?

— В чье сердце, друг Артем?

— Этого я не знаю, но мне так советуют, — ответил Артем, уже понимая, что другого пути у него нет и не будет. Он должен подчиниться этому голосу и отбросить прочь всякие сомнения.

— Я туда не пойду, там пауки, — ответил дрожащим тоненьким голоском Артам. — Я лучше здесь подожду.

— Нет там пауков, — решительно заявил Артем, — это Агнесса пошутила. Всякие твари типа пауков и тараканов водятся только в голове, там места много, и часто оно бывает пусто. Примерно как у Агнессы, — не выдержал Артем и выразил свое мнение по поводу шуток девушки. В ответ раздался смешок Арингила и шипение, словно кошка увидела собаку.

— А как мы там поместимся? — спросил напарник, и Артем понял, что способность мыслить вновь вернулась к его товарищу.

Он тоже задумался. Как же там разместиться? И тут его озарило:

— В сердце есть два желудочка, я пойду в правый, а ты пойдешь в левый. — И недолго думая скомандовал: — Шагом марш в левый желудочек!

— Молодец, Артем. Второй уже на месте, ступай и ты, — услышал он одобрительный голос Арингила.

— Вон у тебя нормальный смертный, не то что у меня! — Это последнее, что услышал Артем, потому что пожелал отправиться в правый желудочек сердца и, глубоко вздохнув, открыл глаза.

Он, как и прежде, ехал в телеге, но уже хорошо видел, и тело его слушалось. Все получилось, как надо, мешала только боль в голове. Артем посмотрел на идущего крестьянина и вспомнил, что это Савул, смотритель кладбища.

— Привет, Савул, — сказал он.

Тот удивленно посмотрел на паренька и ответил:

— Здорово, ваша милость. Как самочувствие?

— Вроде ничего, только голова болит. — Артем потрогал повязку на голове. Она была мокрой и липкой, на руках остался кровавый след. — Где это я так ударился?

— Надо же, опомнился! — раздался голос со стороны. — Ну и крепкая же у вас голова, господин маг. Савул, он наконец запомнил твое имя. — И голос задорно рассмеялся.

Савул на смех не ответил, а только спросил:

— А вы не помните, ваша милость?

— Нет, Савул, не помню, — вздохнул больной.

— Так вы дрались с неупокоенным. Вас послал наш конт, чтобы вы провели ритуал на поселковом кладбище. Вы приехали и сразу приступили. — Он поднял глаза и скорчил страшную рожу кому-то впереди. — Но ритуал провести не успели. Мертвяк выскочил прямо на вас, и вы схватились с ним врукопашную.

— Надо же! Врукопашную? — раздался ироничный голос. — Вот смельчак!

— Ага, врукопашную, — твердо повторил зритель. — Мертвяк ударил вас по голове костяшкой руки, а вы его схватили и насадили на крест могильный. Там он и упокоился. Так что спасибо вам.

— Точно, но перед этим мертвяк выпил полбочки эля у мельника, — серьезным голосом проговорил невидимый второй собеседник.

Савул сердито на него глянул и закончил свое краткое повествование:

— Вот что с вами произошло, ваша милость.

Артем понял: Савул врет, — но оспаривать не стал, посчитал за благо придерживаться того, что ему отбили память. Выгода была со всех сторон: врать не надо — и правды не откроешь. Пусть будет так, как придумал этот мужик. Что уж делал в деревне Артам, он не знал и знать не хотел, но хорошо запомнил мертвеца с тяжелым гнилым запахом. Вернее, непереносимой вонью и червями по всему телу. Артем передернулся от воспоминаний.

— Артам, ты где? — позвал он мысленно напарника. Он не знал, как его называть — то ли товарищем по несчастью, раз он попали вдвоем в одно тело, то ли, наоборот, счастливым, раз выжили в такой ситуации. Где-то на краю сознания он получил откровение, что его убил чеченец, а Артама — мертвец. Но оба они не смогли умереть окончательно и каким-то вы-

вертом судьбы оказались в одном теле. Да только где? Он не понимал.

— Точно, вывертом, — проворчал женский голос у него в голове.

«Это, наверное, Агнесса», — подумал Артем. Артам не отзывался.

— Артам, отзовись, ты как там? — повторил вопрос Артем. Он хотел расспросить того, куда он попал и как себя вести. То, что он не на Земле, он понял по одежде крестьянина. Такой уже давно не носили даже в российской глубинке. Широкая просторная рубаша неопределенного цвета, подпоясанная веревкой, такие же штаны, заправленные в сапоги гармошкой. На голове соломенная шляпа, и главный атрибут отличия — кривое копые с листовным лезвием на конце. Савул держал его вполне уверенно.

— Его нет, — услышал он тихий шепот. — Артам ушел.

— Куда ушел? — опешил Артем. Такого ответа он не ожидал. Куда можно уйти из сердца? А главное, как и в каком облике? Он сам уже запутался, кто он теперь, где находится и в каком теле.

Хотя понимал: это не его тело. Мышцы дряблые, и он не чувствовал их тонуса, силушка не бурлила и даже не булькала в руках и ногах. Такого живота у него не было никогда, и одежда на нем была — как ряса монаха. Но он сана еще не принял, так как семинарии не заканчивал, да, в общем, и не собирался. Просто хотел где-то пережить трудности, как он считал, временные.

— Не дури, Артам, вылезай, поговорить надо, — настаивал Артем. Он не хотел попасть впросак, не зная этого мира, взаимоотношений в нем, — короче, он тоже боялся.

— Его нет, — твердо заявил собеседник.

— Тогда кто со мной говорит? — стал сердиться Артем. Что-то его собрат по нелепой судьбе ему переставал нравиться. Трусливый пьяница и дебошир. Вот что он успел узнать о своем сожителе.

— Не скажу! — получил ответ.

— Ну и сиди там в норке, премудрый пескарь, — разозлился на труса Артем. — Арингил? — позвал он невидимого собеседника.

— Чего? — услышал через секундное молчание.

— Что ты знаешь про этот мир, где властвует дракон?

— Ничего не знаю. Я, как и ты, с Земли. — Арингил помолчал, потом нехотя ответил: — У Агнессы спроси, она местная.

Артем задумался: чем дальше, тем страньше. События катились с нарастающей скоростью, и он не успевал за ними гнаться и подстраиваться. Его мировоззрение агностика, которое не верило ни в какие религии, трещало по швам, и разум говорил: «Артем, дружище, ты просто сошел с ума. Того, что с тобой случилось, не может быть. Это все бред умирающего. Он сейчас лежит на крыльце заброшенной халупы и умирает с ножом в животе. Скоро он отойдет в другой мир... Стоп, в какой другой мир?» — остановил он сам себя.

— Арингил? — вновь позвал он невидимого собеседника.

— Чего тебе? Я не имею права с тобой разговаривать наяву. Говори быстрее и отстань.

— Что со мной произошло?

Артем с надеждой ждал ответа, чтобы понять, живет он или уже умер. Видел же он ангела и черта, которые боролись за него. Если он умер, то куда попал? Не хотелось бы в ад. Стоп... опять он остановил свои размышления. Какой, к черту, ад? Ада не существует, это всего лишь миф, придуманный попами для устрашения прихожан, чтобы заставить их жить честнее и праведнее. Не укради, не убий, не соблазни чужую жену и так далее. Чтобы люди старались жить по совести. А то, если страха нет, можно творить что захочешь. Вон как бандиты наплодились по всей стране. Словно они жили раньше тихо, а как им позволили безнаказанно грабить и убивать — так тут же вынырнули. Объединились в стаи, ментов подвязали — и все, стали главными. Что им закон, что им совесть, когда есть деньги. Как сказал один бригадир, пытавшийся его учить: «Деньги, пацан, не главное, они счастья не приносят, но помогают без него обходиться. Главное — это власть. А власть держится на силе. Мы теперь сила. Значит, и власть. Запомни это». Артем запомнил. А на следующий день бригадира завалили на спорной территории рынка. А Артем подался к отцу Алексею.

— На Земле ты умер, а здесь остался жив. Это все, что я могу тебе сказать, — ответил Арингил и замолчал.

— Как это? — удивился Артем. — Умер и остался жить. Это что, жизнь после смерти?

— Это судьба, недоумок, — раздался в голове девичий голос.

— Ты чего такая злая, Агнесса? — спросил Артем: он уже знал, что второй звонкий голос принадлежит девушке и ее зовут Агнесса.

И тут его опять озарило: он вспомнил чертовку, что тащила его к себе. Симпатичная, с рожками, только без хвоста. И узнал этот голос. А второй, видимо, принадлежал ангелу. Как это может быть? Артем на некоторое время впал в ступор: чем больше разбирался в ситуации, тем больше он понимал, что ничего не понимает.

— Да что происходит? — возмутился он. Как черти уживаются с ангелами? Как вообще они живут, если он не верит в их существование? Неужели отец Алексей был прав, когда рассказывал ему, что у каждого человека на плечах сидят черт и ангел, и они шепчут ему на ухо, как поступить. Даже сказал, что ангел сидит на правом плече, а черт на левом. Потому путь человека извилист — от плохих поступков до хороших.

— Арингил? Ты ангел? — осторожно спросил Артем и, затаив дыхание, стал ждать ответа.

Ему предстояло переосмыслить всю свою жизнь и убеждения. Отказаться от вбитого в институте постулата настоящего историка: что не подтверждается документально, тому верить нельзя. Над ним даже потешался отец Алексей.

— Ты, — говорил он, — очень похож на библейского Фому — пока своими руками не потрогаешь, языком не лизнешь, верить не будешь. Ты пойми, Артем! — убеждал батюшка. — Ты пытаешься понять духовные принципы умом, и ум отказывается помогать тебе. Знаешь почему? — И, не дожидаясь ответа продолжал: — Ум есть инструмент познания физического мира. Это как попытаться снять колеса с моих «жигулей» отверткой. Сколько бы ни пытался, не получится. И на основе неудачи сделать вывод: колеса снять невозможно. Но мы-то с тобой понимаем, что это неправда. Надо взять совсем другой инструмент и открутить болты.

— И что это за инструмент? — спросил скептически Артем.

— Вера, сынок! — добродушно ответил священник.

— Да, — услышал он в ответ после секундной заминки.

— Сидишь у меня на правом плече? — продолжал задавать осторожные вопросы Артем. Хотя в душе у него царила буря, которая нещадно ломала преграды, смывала затвердевшие холмы ложных истин и уносила этот мусор в океан беспредельности за границы его сознания.